

Стоп! О чем я вообще думаю!

Бабушка глянула на Ли Хуэя, у которого исказилось лицо, и сухо рассмеялась:

— Хе-хе, я совсем одурела. Мне показалось, что это твоя тетя помогает мне лепить пельмени.

— Тетя вернется на Новый год, — ответил Ли Хуэй.

Услышав это, бабушка на мгновение замерла, затем вздохнула:

— Кто знает. Она вышла замуж за того шахтера с севера, и уже два года не приезжала.

— Дядя ведь владелец угольной шахты, да? — Ли Хуэй с недоумением уставился на бабушку.

Бабушка улыбнулась, но в глазах у нее не было радости, и она быстро опустила голову, продолжая раскатывать тесто.

— Даже если не на Новый год, я буду приезжать чаще.

— Она тоже так говорила, — ответила бабушка, снова улыбнувшись. — Старая я стала, если ко всему относиться серьезно, долго не проживешь.

Ли Хуан и дедушка вернулись домой уже в сумерках.

— Сегодня в супермаркете были скидки, поэтому купили побольше, — сказал дедушка.

— И это причина, по которой вы купили двенадцать пар колготок? — спросила бабушка.

— За каждый килограмм яблок давали одну пару колготок в подарок, — пояснил Ли Хуан.

— Кто вообще будет их носить?

— Я уже посчитал, — ответил Ли Хуан. — Если все приедут на Новый год, мама получит две пары.

— ...Ты думаешь, мама их наденет?

— Если женщины не будут носить, хотя они и узковаты, мы можем использовать их как подштанники, — внес свое предложение дедушка.

— Да, брат, тебе они точно пойдут, — подхватил Ли Хуан.

Ли Хуан представил себя в черных колготках, извивающимся на кровати в соблазнительной позе, и чуть не вырвало.

— А эта пачка ритуальных денег откуда? — поинтересовалась бабушка.

— Купили две банки молочной смеси, и продавец настаивал, чтобы мы их взяли, — ответил дедушка.

Бабушка лишь молчала, уже не желая ничего говорить.

— Молочную смесь оставьте себе. Помойте руки и садитесь ужинать.

Бабушка отнесла пельмени на кухню и поставила их на стол. Ли Хуан уже приготовился к

трапезе.

— Брат, ты лепил пельмени?

— Вот эти, все они мои, — Ли Хуэй указал на тарелку.

— Брат, твои вонтоны такие изящные!

Ли Хуэй покраснел от злости:

— Это пельмени!

— Брат, твои пельмени действительно необыкновенные!

— Заткнись!

Дедушка раздал всем по коробке молока «Мэнню».

— Зачем пить молоко за едой? — удивилась бабушка.

Дедушка очень серьезно ответил:

— Пейте быстрее, через двенадцать часов оно просрочится.

Бабушка промолчала.

Ли Хуэй из вежливости начал пить, и вкус оказался неплохим.

Ли Хуан раздал каждому по пирожку «лаобин». Ли Хуэй, продолжая есть, спросил:

— Они тоже просрочатся через двенадцать часов?

— Нет, они уже просрочены двенадцать часов назад, — ответил Ли Хуан.

Ли Хуэй тут же выплюнул пирожок прямо в лицо Ли Хуану.

Бабушка разозлилась:

— Я вас послала за продуктами на Новый год, а не за мусором!

Дедушка и Ли Хуан молча сжались в комочки. Бабушка продолжила:

— Скоро дети приедут, и мы будем их угощать этой гадостью? Завтра мне снова придется идти за покупками с Хуэем. Мужчины, на вас нельзя положиться.

— Бабушка, я тоже мужчина, — робко заметил Ли Хуэй.

На следующий день с бабушкой за продуктами пошел дедушка, а Ли Хуэй попал в больницу с расстройством желудка.

— Брат, я специально попросил ту же палату, что и в прошлый раз. Есть приятные воспоминания? — спросил Ли Хуан.

— Никаких приятных воспоминаний, — скрипел зубами Ли Хуэй. — Я только вспоминаю, как ты пускал пузыри из носа и как ты целовал... Эй, помоги мне дойти до туалета!

После туалета Ли Хуэй вернулся, его и без того бледное лицо стало зеленоватым. Он сел на кровать и с укором посмотрел на Ли Хуана:

— Почему с тобой ничего не случилось?

— Если бы со мной что-то случилось, кто бы позаботился о моем дорогом брате?

С этими словами он достал еще один пирожок «лаобин» и начал его есть.

— У тебя пищеварительная система не человеческая, да?

Ли Хуан игриво подмигнул, на его лице появилась зловредная улыбка:

— Я ем просроченные продукты без последствий. Думаю, с таким трудноперевариваемым, как ты, тоже справлюсь...

— Даже не думай!

После капельницы его выписали, но Ли Хуэю пришлось снова столкнуться с проблемой соседства с этим сумасшедшим.

— Предупреждаю, не подходи!

— Кровать такая маленькая, я не специально касаюсь тебя, — с обидой сказал Ли Хуан.

Ли Хуэй сел:

— Я пойду попрошу у дедушки отдельную комнату.

Ли Хуан засмеялся, в его глазах блеснул огонек:

— Через несколько дней приедут дядя и остальные. Думаешь, найдется комната для тебя?

— Я готов делить комнату с кем-то.

— Брат, с кем ты хочешь делить комнату? Между дядей и тетей? Или между тетей и дядей?

Ли Хуэй промолчал.

— Если спросят, почему ты не хочешь жить со мной, что ты скажешь? — Ли Хуан поднял бровь.

— Скажешь, что я питаю к тебе такие чувства? Брат, ты хочешь, чтобы они узнали обо мне таком?

Ли Хуэй фыркнул, глядя на самодовольное лицо брата:

— Я скажу, что ты пинаешься во сне, храпишь, говоришь во сне и пускаешь слюни!

Ли Хуэй встал с кровати, накинул одежду и вышел из комнаты.

— Брат, куда ты? — крикнул ему вслед Ли Хуан.

Ли Хуэй не обернулся. Дедушка и бабушка сидели в гостиной спиной к нему.

По телевизору шла опера.

Тот бородатый артист пел, и хотя Ли Хуэй не понимал слов, сама по себе опера казалась чем-то возвышенным.

— А где тот старик, который раньше так хорошо пел? — спросил дедушка.

— Наверное, ушел, — ответила бабушка.

— Помнишь Ян Дафа, с которым мы раньше плавали на корабле? Он тоже недавно ушел.

— Старость...

— Раньше я боялся, что однажды внезапно умру, но теперь спокоен. Дети добились успеха, и даже эти двое, которые всегда ссорились, теперь ладят.

Бабушка пробормотала:

— Вот только не знаю, когда Нана вернется.

— У нее своя семья... — Лицо дедушки было покрыто морщинами, глаза уже не блестели, как в молодости. Он улыбнулся. — Старуха, помоги мне размять плечи.

— Только ты умеешь наслаждаться, — сказала бабушка, но с удовольствием начала массировать ему плечи.

Ли Хуэй долго стоял сзади, молча развернулся и вернулся в комнату.

Ли Хуан, увидев его, сразу подошел:

— Брат, ты пришел за вещами?

Ли Хуэй даже не взглянул на него, лениво плюхнулся на кровать.

— Брат, если ты будешь переезжать, я тебе не помогу.

Ли Хуэй закрыл глаза и не ответил. Ли Хуан снова позвал:

— Брат...

Ли Хуэй открыл глаза и сердито посмотрел на него:

— Ты вообще собираешься спать?

Ли Хуан с радостью забрался под одеяло и положил ноги на Ли Хуэя.

— Что ты делаешь?

— У тебя такие холодные ноги, я хочу их согреть.

Температура Ли Хуэя была низкой, а у Ли Хуана — высокой, что в этот холодный день было преимуществом.

Теплые ноги Ли Хуана, прижатые к его ледяным ступням, были очень приятны.

— Когда согреются, ты уберешь их, понял?

— Ага.

В итоге Ли Хуэй так и не попросил Ли Хуана убрать ноги. Тепло было настолько приятным, что он не хотел его терять. Он подумал, что в этом сумасшедшем все же есть что-то хорошее.

Накануне Нового года в доме царила оживленная атмосфера, воздух был наполнен праздничным настроением.

— Ли Хуэй, я слышала, что ты недавно часто попадаешь в больницу. Держи, это нефрит, чтобы отгонять злых духов, — сказала тетя.

— Тетя с тобой разговаривает, а ты молчишь? — спросил дядя.

— Я Ли Хуан, — ответил Ли Хуан.

Дядя и тетя замолчали.

Кроме навязчиво врученных денег на Новый год, Ли Хуэй получил еще нефритовый амулет, наручные часы и пианино.

После того как Ли Хуэй пообщался со взрослыми, он увидел, как Ли Хуан молча моет посуду на кухне.

— Разве нужно мыть так много посуды? — Ли Хуэй подошел и выключил воду.

Ли Хуан, не поднимая головы:

— Снаружи достаточно тебя.

— Ты злишься?

— Нет, я уже привык.

Ли Хуэй сделал паузу.

— Поедем на вокзал встречать тетю.

— Она вернулась?

— Только что позвонила, сказала, что скоро будет на вокзале.

— Дедушка и бабушка знают?

— Еще нет, сделаем им сюрприз.

— Поедем на велосипедах?

Ли Хуэй потряс ключами от BMW.

— Дядя дал мне машину, поехали.

Ли Хуэй и Ли Хуан быстро уехали.

Ли Цзиншэн спросил Чэнь Кэсинь, которая только поступила в университет:

— Ты видела своих двоюродных братьев?

Чэнь Кэсинь, уткнувшись в телефон, казалось, не услышала.

<http://bllate.org/book/17710/1654634>